

Сергей САКАНСКИЙ

ПУГАЛО

Мини-роман

Ужас
из далёкого
детства

Сергей Саканский

Пугало. Ужас из далекого детства

«Автор»

2012

Саканский С. Ю.

Пугало. Ужас из далекого детства / С. Ю. Саканский — «Автор», 2012

Кто знает, насколько опасны могут быть детские игры? Найдя сундук колдуньи, полный таинственных предметов, некогда служивших древней магии, ребята оживили огородное пугало. Они чуть не умерли от ужаса, который испытали на солнечном огороде, среди бела дня. Но, может быть, все это им просто почудилось: ведь они выпили эликсир, сваренный по стеаринному рецепту. Страх, пережитый ими тогда, повлиял на всю их дальнейшую жизнь...

© Саканский С. Ю., 2012

© Автор, 2012

Содержание

ВСЮ ЖИЗНЬ ОНО ШЛО ЗА НЕЮ, КАК ТЕНЬ...	6
ЖЕНЩИНА ИСЧЕЗАЕТ	9
МАГИСТР И ДОМ КОЛДУНИ	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сергей Саканский
Пугало
Ужас из далекого детства
Мини-роман

*Элли внимательно разглядывала смешное разрисованное лицо
чучела и удивилась, видя, что оно вдруг подмигнуло ей правым глазом.*

Александр Волков

«ВОЛШЕБНИК

ИЗУМРУДНОГО ГОРОДА»

На обложке: иллюстрация к роману работы Алексея Алпатова (холст, масло, 36х39 см)

В ПРИЛОЖЕНИИ: несколько эскизов и набросков, варианты композиции и др. материалы к картине.

ВСЮ ЖИЗНЬ ОНО ШЛО ЗА НЕЮ, КАК ТЕНЬ...

Когда Горин увидел ее на пороге редакции, он сразу понял, что погиб. Можно было назвать это любовью с первого взгляда, не окажись все гораздо сложнее.

– Я не ошиблась? – спросила гостя. – Газета «Московская страшилка»?

Эта женщина была идеалом Юрия Горина. Именно такое лицо он искал всю жизнь, именно эти черты находил по отдельности в какой-нибудь встречной и тогда влюблялся в нее целиком – за одну лишь черту. И вот, наконец, свершилось! Будто кто-то составил со слов Горина фоторобот воображаемой возлюбленной, максимально приближенный к оригиналу. Женщина его мечты стояла в дверном проеме и смотрела на него, чуть откинув голову назад и сощурившись от яркого света. В эти утренние часы солнце вовсю веселилось в помещении редакции, разбиваясь об оконные переплеты и укладывая на пол плоские золотые плиты.

– Ну и название для газеты, скажу я вам! – завила незнакомка, грациозно прошла к столу, отодвинула кресло и села, положив ногу на ногу.

– Не я придумал, – буркнул Горин, невольно глянув на восточную стену помещения, за которой располагался кабинет главного редактора.

Со стороны Горин производил впечатление сдержанного, немного угрюмого, смертельно занятого журналиста, в то время как внутри у него все кипело от восторга.

Женщина осматривалась, обживая глазами незнакомое пространство, а Горин рассматривал ее. Ему хотелось, чтобы эти мгновения длились и длились... И если существует загробная жизнь, какой-нибудь там рай, то именно таким он и должен быть: утро, яркое солнце в окнах, а в кресле напротив – она.

Ей было около тридцати – ровесница Горина, плюс-минус год-два. Стройное, сильное тело, точеные ноги, высокая грудь. Короткое летнее платье василькового цвета. И таинственная пурпурная тьма – там, где за его краем смыкались линии ног... В сущности, идеал Горина был вполне конкретен: гостя была похожа на Аню, его детскую любовь, и во всех встречах красавицах он подсознательно искал именно ее черты.

– У меня к вам один вопрос... – начала незнакомка. – В вашей газете я прочитала статью. Тема меня очень заинтересовала, и я бы хотела поговорить с автором.

Она положила на стол номер газеты, разгладив его ладонью. Горин отметил, что у нее нет обручального кольца. Сам он не так давно расстался с очередной невестой и снова стал мужчиной ищущим. Если бы к нему пришел кто-то другой, например, какой-нибудь пенсионер, то Горин нашел способ вежливо выпроводить его, но сейчас он изобразил на своем лице крайнюю заинтересованность.

Горин считался хорошим знатоком женской психологии, что помогало ему сравнительно легко добиваться побед на любовном фронте. Друзья частенько обращались к нему за советом. С мягкой улыбкой глядя на красавицу, Горин лихорадочно соображал, обдумывая план грядущей атаки. Главным было, конечно, заинтересовать незнакомку, удержать ее внимание и заручиться ее телефоном.

Горин заглянул в газету, вытянув шею, и почувствовал волнующий запах сирени. Разглядев заголовок, он возликовал: перед ним была его собственная статья! Он написал ее месяц назад, решившись, наконец, придать гласности не изысканные фантазии, не чьи-то сомнительные небылицы, а свои кровные воспоминания.

– Это мой материал, – скромно сказал он, со стороны оценивая эффект, который производят эти тихие, но значимые слова.

Эффект оказался совсем не тот: он был настолько неожиданным, что Горин сразу забыл о своих донжуанских планах. Женщина пристально посмотрела на журналиста, подняв палец, и как будто обвела в воздухе контур его лица. Вдруг всплеснула руками и рассмеялась.

– Тогда ваше имя должно быть Юрий, – сказала она, – а статья подписана «Георгий Гаранин».

– Это мой псевдоним. Но откуда вы... – Горин, что называется, не верил своим ушам. – Так вы... Аня?

Женщина, которая сидела перед ним в кресле, смеясь и болтая ногой, была вовсе не собирательным образом его первой любви, а самой этой любовью.

– Анна Вихрова, – она протянула руку через стол.

– Юрии Горин, – Горин сжал ее ладонь. – Только я не знал вашей фамилии.

– Мы были на «ты», Юра, – Анна выдернула руку и помахала в воздухе длинными пальцами. – Ну, и клешня, скажу я тебе! Каким спортом занимаешься?

– Боксом. Занимался в университете, давно... Сколько же лет прошло!

– Двадцать. Как и сказано в твоей статье. Я поняла, что это написал кто-то из наших, или с его слов. Но я не сразу тебя узнала.

– И я тоже. Смотрю: вроде бы похожа... Так значит, тебя серьезно все это интересует?

Анна взяла со стола газету и приблизила ее к глазам. Горин понял, почему она щурилась: женщина была близорука, но очки носить не хотела. Он почувствовал себя мерзавцем. Получилось, что с той единственной, которую, может быть, он только и любил настоящей любовью, он просто планировал завести заурядный романчик.

Анна стала читать, нарочито низким, страшным голосом:

– «...И тогда пугало дернуло головой, которая была сделана из старого треснутого чугунок. Глаза его засветились. Пугало со скрипом согнуло руку и посмотрело на свою ладонь, сделанную из корня сорняка. Казалось, что лицо его выражало удивление. В этот момент шест, на котором стояло пугало, треснул вдоль, и пугало выпрыгнуло из земли, у него как бы образовались ноги. Пугало сделало несколько пробных движений этими ногами, будто танцуя на месте и, не глядя на ребят, устремилось прочь, вошло в кусты смородины и зашелестело в них. Дети стояли как вкопанные, с ужасом глядя, как идет сквозь кусты смородины то, что несколько минут назад было обыкновенным огородным пугалом. Долго еще был видна шляпа, возвышавшаяся над кустами, шляпа, надетая на старый, черный, треснутый чугунок...»

Прочитанный вслух текст показался Горину убогим, он заметил, по крайней мере, две стилистические ошибки.

– Разве ты видел все это? – спросила Анна.

– Нет, конечно! Это же Игорь рассказывал. Все сразу убежали, как только пугало ожило. А он остался.

– Смелчак, ничего не скажешь...

– Нет, просто он не мог пошевелиться от страха. Вот и получилось, что Игорь – самый смелый из нас.

– Кстати, ты видишься с кем-то из ребят?

– Нет, – сказал Горин.

Он исповедовал старомодный принцип: никогда не врать, предпочитая пользоваться фигурами умолчания. Поскольку Анна употребила слово «ребята», Горину удалось избежать лжи.

– И Марину ты не видел?

Горин отвел глаза, чувствуя, что краснеет.

– Нет, – ответил он. – Очень давно не видел.

И это было правдой, потому что «давно» – смутное и растяжимое понятие.

– А сундук? – переменила тему Анна, и Горин облегченно вздохнул. – Он по-прежнему там?

– Думаю, сундук колдуньи так и лежит в земле уже двадцать лет.

– Тебе ни разу не пришло в голову его откопать?

– Да я уже и место давно забыл.

Анна помолчала.

– Значит, ты все-таки веришь в пугало? – спросила она.

Горин посмотрел на нее с удивлением.

– Никакого пугала не было, – сказал он. – То есть, конечно, оно было, но никуда не бегало.

– Что-то я не понимаю... Не веришь, а пишешь.

– Ну и что? Это ж моя работа.

– А как же ты объяснишь все то, что произошло?

Горин пожал плечами:

– А ничего не произошло. Просто мы выпили неизвестно что. Эту бурду, которую сварили по рецепту колдуньи. Наверное, сильно действующий галлюциноген. Я именно так все себе и объясняю.

– В статье ты об этом не написал.

– Ну, статья есть статья. Пусть читатели думают, что дети и вправду столкнулись с каким-то необъяснимым явлением, с потусторонним миром и так далее. На то мы и «страшилка».

Анна задумалась, прикрыв ладонью глаза. Затем проговорила с глубоким убеждением:

– Вот, что я тебе скажу. Пугало было. И пугало есть. Я видела его не один раз. И ты, я уверена, сам его еще увидишь.

Горин закусил щеки, чтобы не улыбнуться. Если она говорит серьезно, то он влюблен в сумасшедшую.

– А дом-то ваш в деревне цел? – спросила Анна.

Горин окончательно убедился в том, как странно она себя ведет: прыгает с темы на тему и не может сосредоточиться.

– Цел, куда ему деться? Только я давно в деревню не езжу.

Вспомнив о том, при каких обстоятельствах он последний раз был в деревне, Горин смутился и снова покраснел. У него была редкая способность быстро и сочно краснеть: именно поэтому он и стремился к формальной честности.

Анна внимательно посмотрела на Горина.

– Мы-то наш дом продали давно, – сказала она.

– Я знаю.

Анна вдруг замолчала, возникла неловкая пауза. Горин предложил ей кофе – хороший способ продолжить беседу. Он вышел на кухню, включил кипятильник. Конечно же, он хорошо помнил, как следующим летом снова приехал к бабушке отдыхать, а в доме, где жила Аня, были уже другие люди. Горин и не пытался искать ее. Это сейчас, разменяв четвертый десяток, ты можешь подойти к кому угодно и небрежно сказать: *Понимаешь, я влюбился в одну женщину, не знаешь ли ты...*

Ну, не к кому угодно, конечно... Не к Марине, например... Но тогда Горину было двенадцать лет. Он не только не мог представить, что и у кого спросить, но и что сказать самой Ане, когда он ее, допустим, найдет.

Теперь она сидела в его рабочем кабинете, и Горин отдал бы все, что имел, только бы видеть ее каждый день. Правда, имел он немного, и все его состояние на данный момент, пожалуй, выражалось математически отрицательной величиной.

– Тебе с сахаром? – крикнул он через дверь, когда вода закипела.

Но Анна не ответила. Горин вышел из кухни, уже понимая, что произошло...

Он выскочил в коридор. Кнопка лифта светилась, на табло мелькали цифры: лифт ехал вниз. В вестибюле было еще два лифта, но они давно не работали. Горин бросился к лестнице. Выскочив на улицу, он увидел малиновую девятку, которая выруливала на проезжую часть. За темным стеклом мелькнул знакомый профиль... Надо же! Поймала такси и удирает... Горин кинулся к своей машине, но вспомнил, что и пульт, и ключи лежат в барсетке наверху.

ЖЕНЩИНА ИСЧЕЗАЕТ

Сбежала. Как она могла так поступить с ним: может, он ее чем-то обидел? Да нет, вроде... Или ей не понравилось, как он себя вел: ведь он не мог оторвать от нее глаз, рассматривал ее ноги в гладких, объемных колготках, шарил глазами по ее шее и груди, даже под платье взглядом залез, в глубокую пурпурную тьму... Донжуан несчастный!

Горин задумался. Анна хотела поговорить о чем-то с автором статьи. Автор был перед ней. Они проговорили минут десять. Потом Анна ушла, не простившись. Тогда вопрос: о чем она с ним хотела поговорить? Какую информацию она от него получила, если этой информации ей оказалось более чем достаточно?

Горин припомнил весь разговор. Да нет, ничего особенного: просто обсудили случай с пугалом, и все. А может быть, дело вовсе не в том, то она хотела *спросить* у Горина, а в том, что она сама хотела ему *сказать*?

Но сказала она только одно – то, что Горину показалось самым нелепым: *пугало существует, пугало еще к тебе придет*.

Но это же нонсенс! Если есть пугало, тогда есть и все эти потусторонние силы, которыми управляет сам дьявол. А если есть дьявол, то, значит, – есть и Бог... Горин был убежденным атеистом и такой трактовки мироздания допустить никак не мог.

А что, если Анна не сама ушла из редакции? Почему он решил, что она поймала какую-то случайную машину? Можно ли так быстро найти частника на пустынной улице?

Допустим, в малиновой девятке был человек, который привез Анну, ждал ее, потом заставил поехать с ним... Шофера Горин видел только со спины и запомнил лишь одну деталь: у него были оттопыренные уши и вроде – он не мог утверждать наверняка – борода.

Размышляя, Горин поднялся в лифте, вышел в коридор третьего этажа. Редакция арендовала в этом огромном производственном здании два помещения: большое – для сотрудников и маленькое – кабинет главного. Плюс еще закуток без окон, где журналоги собственными силами оборудовали кухню. За остальными дверьми располагались офисы других мелких фирм. Все это вместе некогда было крупным оборонным предприятием, здесь вершилось будущее страны и планеты, которое, в том предполагаемом варианте, так и не состоялось. Для Горина было загадкой, почему он работал в «Московской страшилке», а не, скажем, в «Московском комсомольце», или, по крайней мере, в «Вечерней Москве».

Ведь он был хорошим журналистом, в университете ему просили блестящее будущее. Сильный, ловкий, спортивный. Может и в морду дать при случае. Таким и должен быть прожженный репортер, эдакий журналист Фандор, который преследует своего Фантомаса – на земле, на воде, под водой и даже в воздухе! Несмотря на то, что никакого Фантомаса нет, и весь этот Фантомас – всего лишь глюк комиссара Жюва... Но разве это имеет значение?

Вернувшись, Горин увидел, что в кресле, где только что сидела Анна, царит необъятная фигура главного редактора. Со своим редактором Горин находился в состоянии перманентной вялотекущей ссоры, и давно бы сорвался и сказал ему все, что он о нем думает, если бы редактор газеты «Московская страшилка» не был женщиной.

– Итак, Юрий Петрович? – глаза редактора, как говорится, метали молнии.

– Остынь, Варвара Павловна, – мягко парировал Горин. – Вот, провожал посетителя...

То, что Горин бежал, прыгая через две ступеньки по лестнице, можно с некоторым обобщением назвать словом «провожал», да и слово «посетитель» можно в равной степени отнести как к мужчине, так и к женщине.

– Смею тебе напомнить, что ты сегодня дежуришь.

– Виноват! – Горин подобрался, как солдат перед капралом, чуть ли не щелкнув каблуками: теперь его опыт по части женской психологии исправно служил карьере журналиста.

– Итак... – начала Варвара, – Что я хочу тебе сказать? Вот уже месяц, как я ничего нового от тебя не видела. А ты у нас в штате и зарплату получаешь исправно. Где же твои сто строк в неделю?

– Это не важно, – возразил Горин. – В следующем месяце дам сразу две полосы.

– Посмотрим. И что касается последнего материала... Тебе не кажется, что это уже слишком? Ввиду специфики нашего издания, конечно, без фантазии не обойтись. Но тут ты просто перешел все границы. Неужели ты думаешь, что хотя бы один читатель поверит в эту пургу про пугало?

Горин вскипел. Внешне он оставался спокойным: его лицо выражало рассудительное внимание. Надо же так! Впервые за три года работы в газете написал правду – то, что пережил лично, а теперь это, оказывается, самый фантастический его материал.

– Я исправлюсь, – смиренно сказал он.

– Я бы не стала тебе припоминать, все-таки уже месяц прошел. Но сегодня был звонок. Мне это нервов стоило. А ты шатался неизвестно где. Вместо того, чтобы сидеть на телефоне.

– Может быть, я в буфет ходил – позавтракать? – на самом деле Горин бы сказал: *Не будь такой жадной, Варвара, а просто заведи секретаршу.*

Варвара Гостюхина была не только главным редактором, но и хозяином еженедельной газеты, брэнд которой, немыслимая «Московская страшилка», был зарегистрирован в Роскомпечати на ее имя. Варвара экономила каждый свой рубль.

– А кто звонил-то? – поинтересовался Горин, хотя ему, конечно, было на это наплевать.

– Профессор Ситников, из Гуманитарного университета. Его возмутил твой материал, он требовал, чтобы я раскрыла псевдоним автора и так далее.

– И что? Ты раскрыла?

– Еще чего! Я деликатно возразила, он настаивал. Ну, я и сорвалась, ты ж меня знаешь. В конце концов, пришлось глотать валидол. Словом, – Варвара хлопнула себя по коленкам и тяжело поднялась на ноги. – Даю тебе что-то вроде испытательного срока. Скажем, месяц, идет? И не сердись, пожалуйста. Как говорят американцы – ничего личного.

Перспектива оказаться на улице Горину, конечно, не улыбалась. Несмотря на то, что в стране развелось огромное количество изданий, вроде «Московской страшилки», безработных журналистов было еще больше. Оставшись один, Горин открыл файл безнадёжного материала, присланного пожилым внештатником, и стал его править. В статье говорилось о верволках. Горин знал, что никаких верволоков не существует, и внештатник, похоже, тоже об этом прекрасно знал. Поэтому и написано о верволках было коряво и неубедительно. Так Горину удалось скоротать часа два. Солнце за это время переехало в другое окно, уложив свои золотые кирпичи в северо-западном углу помещения.

В практичности, конечно, Варваре не откажешь: по распорядку, в их маленькой редакции весь день обязан присутствовать один из трех сотрудников, готовый к срочной работе, он же исполнял обязанности секретаря. В действительности, удар профессора Ситникова, этого борца за раскрытие псевдонимов, должен был принять на себя сам Горин, если бы не прохладился с утра в буфете с бутылочкой своей любимой нефilterованной «восьмерки». Уж он бы не стал скрывать псевдоним и сказал профессору пару ласковых слов. И, поскольку у Горина на редкость здоровое сердце, ему бы не пришлось глотать валидол.

Что-что, а пивка в охотку попить, он, конечно, любил. С черноглазыми креветками, с упругой красной рыбкой, на худой конец – даже с крабовыми палочками, которые делаются, как известно, безо всякого участия крабов.

Жизнь журналиста была ключом: постоянное общение, конференции со всякими фуршетами, просто фуршеты безо всяких конференций. На этом тернистом пути ему частенько попадались женщины, готовые продолжить общение после фуршетов... Не удивительно, что подходя к очередному выплатному дню, Горин порой не то что пивка попить – бензином свой

старенький «Каблук» был напоить не в состоянии. И вот теперь, наконец, он встретил ее – единственную. Встретил и тут же потерял.

Внезапно у Горина возникла идея. Между звонком таинственного профессора и визитом Анны могла существовать некая связь... Он набрал номер Московского гуманитарного университета и спросил, как найти профессора Ситникова. Через минуту Горин узнал, что в университете никакого профессора Ситникова нет. И никогда не было.

* * *

Горин хорошо помнил день, когда познакомился с Анной. Юра и раньше видел в деревне эту девочку – и в прошлом году, и в позапрошлом, но не обращал на нее внимания и даже имени ее не знал. Родители привезли Юру к бабушке в самом начале июня, когда деревня была полупуста. Юра обошел все дворы, где жили его знакомые ребята. Никто еще не приехал, бабушки и дедушки ждали своих внуков со дня на день.

Юра смастерил скворечник, но не хватило материала и получился как бы скворечник в разрезе, из книжки «Сделай сам». Потом он пытался ловить рыбу в Клязьме, сидел на берегу под большой сосной, шлепая на шее слепней, и вдруг кто-то окликнул его.

Это была девочка – девочки Юру пока еще совершенно не интересовали.

– Поймал кого-нибудь? – спросила она, тут же присела на корточки, потряхнув косичками, и бесцеремонно залезла в его пакет.

Пакет, куда Юра складывал (вернее, собирался складывать, если бы поймал) рыбу, был совершенно пуст.

– Нет поклевки, – сказал он голосом взрослого, грубого рыбака.

Но девочка не собиралась отставать. Вскоре он уже знал, что ее зовут Аня, что она тоже из Москвы, только сегодня приехала к бабушке с дедушкой и живет во втором доме от края деревни.

– А в самом крайнем доме жила колдунья, – сообщила Аня. – Самая что ни на есть настоящая. Она умерла.

– Да знаю я! – отрезал Юра. – Я ее в прошлом году у колодца видел. Только никакая она не колдунья. Потому что колдунов и колдуний вообще нет.

– Если нет, то кто ж тогда порчу навел на наш огород? А сейчас, когда колдунья умерла, все нормально вошло.

До чего ж глупые эти девочки – верят во всякую ерунду! Юра тогда еще не знал, что «во всякую ерунду» верят не только девочки, но и мальчишки, а также взрослые мужчины и женщины. Он и представить себе не мог, что не далее как завтра эта самая «ерунда» произойдет с ним самим, а через много лет он станет корреспондентом газеты, все восемь полос которой будут полностью посвящены этой «ерунде».

– Между прочим, – сказала Аня, смахнув со щеки слезы, – по ночам в ее доме светится какой-то огонь.

– Ты сама видела?

– Видела!

– Как же ты видела, – спросил Юра хитрым голосом, если только сегодня приехала? Аня закусил губу.

– Бабушка видела! – нашла она.

Юра знал, что взрослые могут врать, так же как и дети, но сказать девочке, что врет ее бабушка, не посмел.

– Это могло быть просто отражение, – осторожно заметил он.

– А занавески?

– Какие занавески?

– В доме колдуньи. Занавески на окнах то открываются, то закрываются. А войдут в дом – никого нет.

– Кто войдет?

– Ну... Люди.

Аня смутилась. Она не ожидала такого пристрастного допроса.

– Просто ты сам боишься, потому и не веришь.

Такого обвинения – тем более, от девчонки – Юра стерпеть не мог. В глубине души он боялся многих вещей. Почему-то боялся темноты, хотя прекрасно понимал, что в темноте нет ничего, кроме самой темноты. С ровесниками драться не боялся, но вот старшие мальчишки вызывали у него, если не страх, то, по крайней мере, неприятное чувство собственной малости и бессилия. Немного боялся девчонок: порой думая, что эти создания имеют гораздо более отличную от ребят природу, чем это кажется на первый взгляд. Но больше всего на свете Юра боялся, что другие назовут его трусом.

– Я ничего не боюсь! – резко сказал он.

– Да? – Аня насмешливо посмотрела на него, и в ее глазах блеснули два острых огонька.

Тогда пошли.

– Куда?

– В дом колдуньи.

– Но дом заперт.

– Можно залезть через чердак.

– Но...

– Боишься?

– Я же сказал! – Юра вскочил на ноги, отряхнул штаны от песка и бросил решительно:

– Пошли.

Человеческая память, словно хард-диск обрывками файлов, по гроб жизни засорена какими-то случайными воспоминаниями, яркими видеоклипами, которые поневоле приходится смотреть из года в год. Горин и сейчас видел перед своими глазами желтую тропинку, петляющую по цветущему лугу, худенькую девочку, которая бежала впереди, останавливалась, кружилась на месте, болтая косичками, внезапно приседала, взмахнув подолом синего платья, чтобы сорвать цветок... А в конце этой тропинки они встретили Марину.

Девочка тоже только что приехала и, узнав, что они идут в дом колдуньи, захлопала в ладоши и объявила, что пойдет с ними.

Марину Юра знал хорошо: в отличие от Ани, она была не просто его соседкой в деревне. Их родители дружили, они приходили всей семьей в гости, и Юра был вынужден играть с девчонкой, пока старшие сидели за столом. Но, скажи ему кто-нибудь, что будет в его жизни такой период, когда эта самая девчонка станет его невестой, а затем бросит его, чтобы уйти к другому... Странные у судьбы изгибы.

* * *

Именно с Марины Горин и решил начать свои поиски, после того, как выяснилось, что телефонный справочник в этом деле помогать отказывается. Правда, несколько дней Горин колебался: в последний раз, когда он пришел попросить денег взаймы, она чуть ли не выгнала его на улицу.

Но, кроме Марины, он никого из дачных мальчишек и девчонок в этой взрослой жизни не знал, так как после смерти матери ездил в деревню редко и не более чем на одну ночь.

Спрашивать у Марины прямо, как разыскать Анну, Горин не хотел. Приехав к ней в салон, он собирался сказать, что его, по работе, интересует тот необъяснимый случай с огород-

ным пугалом. Все это было недалеко от истины, потому что случай его и вправду интересовал – ведь написал же он об этом статью...

Марина Яровая была хозяйкой небольшой фирмы, где, кроме нее, трудились еще три девушки. Масштабом своей частнопредпринимательской деятельности Марина была симметрична Варваре Гостюхиной, которая хозяйничала в газете с таким же количеством сотрудников, и это забавляло Горина. Когда он вошел, все три девчонки расцвели было ему навстречу, но, увидев, что это всего лишь бывший бой-френд директора, снова увяли в своей ленивой беседе.

– Свободна? – кивнул Горин на дверь Марининого кабинета.

Девчонки вразнобой качнули разноцветными рекламными головами.

Их лица выражали скорбящие смайлики... Горин знал, что все они незамужние, но ни одна из них не воспринимала его как мужчину, поскольку его доход был значительно ниже черты, за которой для женщин этого типа вообще начинал существовать какой-либо человек. Горин еще недавно раздумывал: а не соблазнить ли ему одну из этих рекламных кукол, например – рыжую Светку? И не только назло надменной хозяйке, а в силу своего могучего, древнего пролетарского инстинкта. Вот явится настоящий мужчина, и все ваши мечты о принце на белом коне, да непременно с золотой сбруей – падут перед ним ниц. Но теперь, когда в его жизни вновь появилась Анна, все другие женщины исчезли из поля зрения, как бы зайдя за ее спину.

Марина была стройной, атлетически сложенной и сильной. Горин знал, что ровный оливковый загар покрывает ее всю, без предательских белых полосок от лифчика и трусиков, потому что в салоне Марины был солярий, то есть устройство для искусственного загара, похожее на гроб.

– Денег у меня нет, – с расстановкой сказала она, едва глянув на вошедшего Горина.

– Я не за этим, – он изобразил возмущение, носком ботинка отодвинул стул и сел на него верхом, словно голливудский шериф.

Марина в очередной раз перекрасилась, причем, надо было отдать должное ее фантазии. Прическа представляла собой гладкий колокол: белый снаружи, черный изнутри, и что-то смутно напоминала Горину.

– Говори по существу, – Марина не подняла глаз от бумаг на столе. – У меня нет времени болтать.

Горин понял, что голыми руками ее не возьмешь.

– Я просто хочу, чтобы ты сделала мне массаж, – весело сказал он.

– Бесплатно?

– Нет, разумеется.

– Светка может сделать.

– Я хочу, чтобы ты. Пожалуйста.

На лице Марины отразились колебания. Горин в который раз с удивлением подумал: и как это могло случиться, что он всерьез собирался жениться на этой женщине? Но все-таки он ловил себя на том, что скучает по ней, плюс еще хотелось бы выяснить, кто же тот мужчина, который занял его место?

Прошлой осенью они, что называется, расстались друзьями, вернее, снова вернулись к отношениям, которые длились всю жизнь, прерванные на несколько месяцев бурным романом.

Наконец, Марина решительно встала.

– Только учти, – строго сказала она, – программа будет сокращенной: у меня через сорок минут клиент.

– Ну и отдай его Светке.

– Нет, – лицо Марины сделалось суровым, значительным, – это *мой* клиент. Сегодня первый сеанс, и я обычно провожу его сама.

И тут Горин ощутил какое-то напряжение реальности, как бы уловив некий слабый сигнал... Такое с ним иногда случалось: он будто считывал с неизвестного носителя несколько килобайт отрывочной информации. Это противоречило его сугубо материалистической трактовке мира, но все-таки каким-то образом уживалось с ней. В данный момент Горин смутно почувствовал: клиент, которого ждала Марина, был особенным, и что-то в жизни самого Горина непременно будет связано с ним...

– На душ у тебя времени нет, – строго сказала Марина. – Обойдешься мокрым полотенцем.

И она провела Горина в массажный кабинет.

Отдавшись власти ее сильных рук, Горин задал несколько окольных, как будто незначительных вопросов. Он не сказал, что видел Анну, заметил лишь, что собирает материал для очередной статьи. Марина посоветовала обратиться к Саше Петухову, дала адрес его фотоателье – рядом с платформой Лось Ярославской железной дороги. В самый кульминационный момент массажа, когда Горин расслабился настолько, что ему захотелось остаться здесь на всю жизнь, за дверью послышался шум, женский смех в хоре из трех голосов, чей-то высокий тенор. Марина тотчас отдернула руки от плеч Горина, словно обожглась.

– Все! – сказала она. – Кончен сеанс.

Горин сел, свесив ноги с массажного стола, а Марина уже торопилась к двери, махала Горину за спиной: дескать, давай, убирайся! Жаль, что подобные минуты – когда чувствуешь себя тестом или пластилином, струящейся пряжей или даже водой – проходят так быстро, кончаются так внезапно...

Выйдя в холл, Горин увидел следующую картину: маленький упитанный бородач стоял в окружении трех высокорослых сотрудниц, нависавших над ним, словно махровые георгины. Очевидно, он только что удачно пошутил, и все три девчонки заливались восторженным смехом. Увидев Марину, он побежал к ней на коротких ножках и лаконично поцеловал ей руку, будто клюнул зерно. Горин подумал, что финансовая черта у этого клиента довольно высока, если его с первого взгляда так полюбили здесь.

При всех этих манипуляциях маленький бородач постоянно поглядывал на Горина, как поглядывают на красавицу, замеченную в компании. Горин уже собрался уйти, но счастливый клиент вдруг повернулся к нему и размашисто протянул руку:

– Збруев. Магистр белой магии.

Горин автоматически пожал предложенную руку и представился сам:

– Горин. Журналист.

Одна из девчонок хихикнула, будто вместо «журналист» ей послышался «бомж» или что-то совсем неприличное. Маленькая пухлая рука магистра оказалась неожиданно сильной. Что-то в его облике показалось Горину странным, встревожило его... Горину неожиданно, просто непреодолимо захотелось дать этому веселому человечку в глаз.

– Вот моя визитка, – сказал Збруев, и ладонь Горина тронул маленький кусочек картона, разрисованный причудливым орнаментом.

Горин вышел. Повертев карточку в руках, он выбросил ее в урну. Всякого рода магов и колдунов, экстрасенсов и хиромантов за годы работы в «Московской страшилке» он повидал более чем достаточно.

МАГИСТР И ДОМ КОЛДУНЬИ

Уже забравшись в свою машину, Горин вспомнил, на что похожа новая прическа Марины. Есть такой гриб, он обычно растет на городских свалках: шляпка у него сверху белая, а с исподу, особенно у старых грибов – черная. Гриб этот вырастает довольно большим, и мало кто знает, что он съедобен. Научное название гриба – «навозник белый».

Марина была каким-то наваждением в жизни Горина, будто бы на него наслали морок. Он знал ее с детства, видел и в деревне, и у себя дома, видел, как она росла, наливалась, превращаясь из девочки в женщину. Они могли не встречаться несколько лет, как типичные жители мегаполиса, ограничиваясь телефонными звонками на праздники.

И вот, прошлым летом, Горину пришла злополучная мысль бросить все и уехать туда, где его никто не найдет. На ум сразу пришел заброшенный дом в деревне Старица, где он не был несколько лет. И Горин приехал в деревню – с целым ящиком нефilterованной «восьмерки» с гремучей промерзшей компанией из нескольких сотен черноглазых креветок, надеясь крепкой пьянкой разрубить череду буден и начать новый отсчет времени.

Но оказалось, что время стало отмерять Горину новый, волнующий и нервный, совершенно неожиданный период. В тот же день в Старицу приехала Марина Яровая, и он с удивлением встретил ее, шагающей по деревенской улице с ведром колодезной воды. Слово за слово, они выпили всю горинскую «восьмерку», сожрали всю атлантическую компанию, а наутро проснулись в одной постели.

Потом было несколько месяцев странных, запутанных отношений. Марине давно надоела бесконечная череда бой-френдов, она хотела выйти замуж, и был какой-то момент, когда Горин рассматривал себя как кандидата в женихи.

Потом все кончилось. Марина объявила, что у нее появился «другой» – серьезный, солидный человек, не чета какому-то нищему Горину... Кто бы это мог быть?

Наверное, кто-то из ее клиентов, такой же уверенный в себе, веселый и глупый, как этот карикатурный бородач, магистр белой магии...

И тут Горин понял, чем его озаботила его внешность: у магистра Збруева были большие оттопыренные уши, как у того водителя, который увез Анну.

Несколько секунд мысль Горина металась, как бы тычась в закрытые двери... Нет, слишком нелепо: с чего бы это тем и другим должен оказаться один и тот же человек? Горин вдруг рассмеялся, замотав головой.

Сидя в машине напротив салона Марины, он обдумывал план своих дальнейших действий. Он мог сейчас поехать к Петухову, а мог снова попытать удачи в телефонной книге. Еще в тот день, когда приходила Анна, он прямо в редакции сделал распечатку телефонов и адресов. Это была секретная милицейская база данных, диск продавался в любом компьютерном киоске и содержал сто шестнадцать абонентов с фамилией «Вихров». Из них Вихрова с инициалом «А.» значилась в шести позициях. Горин позвонил, прежде всего, по этим номерам, и даже нашел одну Анну, да только не ту. Телефон Анны Вихровой мог быть записан на ее мать или отца. Горин бегло прозвонил список, всюду спрашивая Анну, кое-где был кое-куда послан...

Большинство телефонов не отвечало: уже начался дачный сезон. Можно было продолжить изыскания по еще не вычеркнутым номерам, но, кроме всего прочего, база данных была устаревшей: кого-то подключили к новым АТС, кто-то сменил квартиру, поэтому-то и продавался свободно этот секретный диск.

В конце концов, Горин принял решение.

Вот интересно, – думал он, выруливая на Ярославку, чтобы направить свой изрядно потрепанный «Каблук» в сторону платформы Лось. – Интересно, как сильно человек с годами меняется, да и меняется ли он вообще?

Горин представил себе, что сейчас, разыскав это ателье, увидит там того же самого Сашку Петухова, которого встретил двадцать лет назад, на пороге дома колдуньи.

Эта встреча навсегда связалась у Горина с ужасом, испытанным, наверное, впервые в его жизни... Точно! Никогда прежде ему не было страшно настолько, чтобы он потерял сознание.

Ужас накапливался медленно, по деталям, выстраивался, будто паутина, создаваемая неутомимым крестовиком.

Они втроем – Аня, Марина и Юра – перелезли через покосившийся забор и подошли к дому колдуньи. С виду дом был обычным для Старицы – серые бревна, тщательно врубленные друг в друга, щели с замшелой паклей... В высокой траве за домом нашлась подгнившая лестница, которую они приставили к стене, чтобы влезть в черное слуховое окно. Аня оцарапала коленку, когда они ползли по ржавой крыше, капелька крови отпечаталась на подоле ее платья.

– Это знак, – серьезно сказала Марина. – Колдунья не хочет, чтобы мы лезли туда.

– Чепуха! – возразил Юра, хотя ему тоже, с каждой пядью покоренной крыши, все меньше хотелось лезть в эту черную дыру.

Но показать девочкам, что он боится?

– Чур, я первый! – сказал Юра и храбро закинул ногу в окно, причем, ему сразу ясно представилось, что кто-то гнусный, с корявыми руками, только и ждет там, на чердаке, чтобы схватить его за ногу.

Внутри оказалось, что во всем мире сразу наступила кромешная ночь: трудно было поверить, что где-то над этой крышей вовсю пылает жаркое дневное солнце.

Пахло нагретым металлом, гнилью и пылью. Юра чихнул. Золотые пылинки закружились в острых лучах, бьющих из прорех в старой крыше. Юре почему-то показалось, что он находится не на чердаке, а в подвале, и со всех сторон его окружает земля...

В окошке появилась голая Анина нога со свежей царапиной на коленке, Юра увидел ее розовые штанишки, и ему стало стыдно. Будь он в большей степени мужчиной, он бы помог дамам спуститься, а не смотрел со злорадным любопытством, как они, путаясь в собственных платьях, преодолевают препятствие, похожее на окошко скворечника или собачьей конуры.

– Я пауков боюсь, – заявила Марина и с тревогой огляделась вокруг, в этом странном помещении с покатыми стенами.

– Здесь полно пауков, – сказал Юра. – Полезли-ка обратно.

– Нет здесь никаких пауков, – сказала Аня. – А ты хочешь полезть обратно, потому что колдунью боишься.

– Ничего я не боюсь! Колдунья умерла – чего ж ее бояться? – с негодованием возразил Юра и вдруг понял, что как раз мертвой колдуньи он и боится больше всего на свете.

Крышу поддерживали массивные балки, изрядно изъеденные червями. На чердаке только посередине можно было встать во весь рост. Углы были завалены всяким хламом: перевернутое полосатое кресло с застывшей в шатком равновесии пружинной, старая проломленная балалайка без струн, еще что-то бесформенное, мебельное, гладкими углами проступающее в полумраке...

– Вижу люк, – сообщила Марина.

Она присела на корточки, отчего край ее платья взметнул с пола кольцевое облако пыли. Марина дернула за крючок, который, как казалось, был вделан в пол, и со скрипом подняла деревянную крышку. В квадратном люке тускло поблескивала лестница. Юре не хотелось спускаться туда, ему снова представился корявый подкроватный хват, обитатель всех темных щелей мироздания...

– Здесь сундук, – задумчиво проговорила Аня.

В глубине острого угла – там, где крыша смыкалась с полом, под рваным желтым абажуром стоял небольшой кованый сундук.

Аня пошла к нему, нагибаясь по мере сбегая крыши, затем и вовсе опустилась на четвереньки. Юра продвигался за нею, видя перед собой маленькую гладкую попку цветочного окраса, упорно преодолевающую пространство. Все трое доползли до сундука. Юра подвинул абажур, тот покатился, мелькая спицами, вдруг захлопали чьи-то крылья, Марина вскрикнула... Это была всего лишь пара голубей, они метнулись к слуховому окну, и, ломая пыльные лучи, исчезли в глубоком небесном круге.

Юра с трудом сдвинул сундук. Крышка не поддавалась. Он заметил, что на железном ушке висит маленький, но крепкий замочек.

Вдруг Аня схватила Юру за руку.

– Не трогай!

– Почему?

– Потому что это – *тот самый сундук!*

Последние слова Аня произнесла таким голосом, от которого всем стало страшно.

– Мне бабушка рассказывала, – продолжала она, облизнув пересохшие губы. – Когда колдунья умерла, ее нашли на полу. И она крепко обнимала какой-то сундук. Мертвой хваткой...

– Да ну его! – сказал Юра. – Все равно мы его не откроем. И вообще – здесь нет ничего интересного.

Юра оглянулся по сторонам, как бы ища подтверждения своим словам, и вдруг увидел *это*. Они заметили *это* одновременно, наверное, потому, что его было видно только отсюда, от сундука, а раньше оно пряталось за балкой.

Из глубины чердака на них смотрело страшное, черное, перекошенное лицо. Оно имело странную форму: толстые надутые щеки, узкий лоб, заканчивающийся плоской, как бы спяленной макушкой.

Все трое ринулись к люку. Юра добежал первым и хотел было нырнуть вниз, но подумал, что тогда его уж точно назовут трусом. Он затормозил перед люком и, бестолково хватая девчонок за руки, помог им спуститься, и уже после ссыпался с лестницы сам.

Теперь они стояли в комнате, часто дыша. Здесь тоже была мутная, лучистая тьма – от закрытых ставен. Юра разглядел железную кровать: на ней лежали подушки высокой горкой, от большой до самой маленькой. Налево был комод, на комод – тоже по старшинству – вереница белых слоников. Направо, в положении вечного падения, застыл трехногий сломанный стул.

И в этот момент раздался громкий высокий скрежет, звон, скрип: кто-то отодвигал засов снаружи. Входная дверь отворилась и на пороге возникла колдунья.

Юра сразу узнал ее, потому что не раз видел у колодца раньше, когда колдунья была жива и ходила с коромыслом за водой. Длинные распущенные волосы, горбатый нос, тяжелый взгляд исподлобья... В руке она держала то, что и должна была держать настоящая ведьма – пучок травы. Девчонки завизжали.

Юра пошатнулся, комната закружилась перед его глазами, краем меркнувшего зрения он заметил: что-то было не так в облике колдуны – мертвая колдунья выглядела свежее и гораздо моложе, чем та, живая. Но самым страшным было то, что в глазах колдуны отразился страх, как будто она пугает его, дразнит, притворившись зеркалом: ее белое лицо исказилось самым настоящим ужасом. Более того, где-то на уровне плеча от тела колдуны отпочковалась еще одна голова – тоже дразнящая, горбоносая, бледная, изображающая смертельный ужас. Это было уже слишком: Юра понял, что падает на пол, потому что ноги его стали ватными, словно во сне...

* * *

Саша Петухов сидел за компьютером в своем ателье и осваивал программу «Фоторобот», впрочем, для работы ему совершенно не нужную. Сашина цель относительно этой программы

была совершенно иная – сладкая, тайная, и он не пожалел денег на диск. И когда дверь, звякнув колокольчиком, отворилась, возвещая о том, что появился очередной посетитель, Саша поспешно свернул окно «Фоторобота», где уже вырисовывались некие черты...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.